Евгений Анатольевич Ростовцев — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e.rostovtsev@spbu.ru

Никита Владимирович Гольцов — аспирант, инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ведущий археограф, Российская национальная библиотека, Российская Федерация, 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18; goltsov-nikita@mail.ru

Evgeniy A. Rostovtsev — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; e.rostovtsev@spbu.ru

ORCID 0000-0002-5833-448X

+7-921-636-89-12

Nikita V. Goltsov — postgraduate student, research engineer, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; the leading archaeographer, The National Library of Russia, 18, Sadovaya st., St. Petersburg, 191069, Russian Federation; goltsov-nikita@mail.ru

ORCID 0000-0003-4164-3945

+7-962-181-09-41

Исследование проведено в рамках НИР СПбГУ «Корпоративная память универсантов: источники и механизм формирования», Pure СПбГУ ID: 142028043, руководитель Е. А. Ростовцев.

The study was was supported by the SPbSU research project “Corporate Memory of University Students: Sources and Formation Mechanism”, Pure SPbSU ID: 142028043, head E. A. Rostovtsev.

Е. А. Ростовцев, Н. В. Гольцов

Перебежчик из церковного мира – профессор Санкт-Петербургского университета Иван Андреев

Статья посвящена научной, преподавательской и административной деятельности известного церковного историка, профессора Ивана Дмитриевича Андреева (1867–1927) в стенах Санкт-Петербургского университета (1907–1924). Предшествовавшая ей многолетняя связь И. Д. Андреева с Московской духовной академией позволяет рассматривать его как фигуру, находившуюся на стыке двух «миров» — церковного и светского. Показано, что разрыв И.Д. Андреева с духовно-академической средой был обусловлен неприятием им ряда тенденций в развитии высшей духовной школы, а также скандальным увольнением из

Московской Духовной академии В. О. Ключевского, олицетворявшего близкое И. Д. Андрееву «либеральное» направление историографии. Основным результатом преподавательской деятельности ученого в университете стал расцвет возглавляемой им кафедры истории церкви – результат взятого в начале XX в. курса на секуляризацию, заключавшегося в воспроизводстве собственных научно-педагогических кадров из числа выпускников университета и эмансипации от системы богословского образования. В статье значительное внимание уделено организаторской деятельности И. Д. Андреева в стенах Санкт-Петербургского университета и, прежде всего, его действиям в качестве проректора (1910–1911). В связи с этим рассмотрены основные стратегии во взаимоотношениях проректора со студенчеством и властями в период так называемого «кризиса Кассо» 1911 г., в результате которого И. Д. Андреев вошел в конфликт с главой министерства народного просвещения. Показано, что пребывание в должности проректора, которое изначально могло рассматриваться ученым как способ упрочения своего служебного положения, на деле стоило ему значительных проблем со здоровьем и затруднило развитие профессиональной карьеры. Социальный катаклизм 1917 г. привел к поэтапному вытеснению предмета научных занятий И. Д. Андреева из структуры и образовательной программы университета, результатом чего стало завершение работы историка в Ленинградском университете в 1924 г. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: И. Д. Андреев, история церкви, Санкт-Петербургский университет, кафедра истории церкви, Московская духовная академия, А. П. Лебедев, В. О. Ключевский

E. A. Rostovtsev, N. V. Goltsov

A defector from the church world — Professor of St. Petersburg University Ivan Andreev

The article is devoted to the scientific, teaching and administrative activities of the famous church historian, Professor Ivan Dmitrievich Andreev (1867–1927) at St. Petersburg University (1907–1924). I. D. Andreev's long-term relationship with the Moscow Theological Academy, which preceded it, allows us to consider him as a figure who was at the junction of two "worlds" — the ecclesiastical and the secular. It is shown that I. D. Andreev's break with the spiritual and academic environment was due to his rejection of a number of trends in the development of higher theological schools, as well as the scandalous dismissal of V. O. Klyuchevsky. The main result of the scientist's teaching activity at the university was the flourishing of the department of church history headed by him — the result of the course on secularization taken at the beginning of the 20th century. The article also pays considerable attention to the organizational activities of I. D. Andreev, primarily his actions as vice-rector of the university (1910–1911), and examines his main strategies in relations with students and authorities during the "Casso crisis" of 1911, during which I. D. Andreev came into conflict with the head of the Ministry of Public Education. As a result, his tenure as vice-rector cost

him significant health problems and made it difficult for him to develop a professional career. The social cataclysm of 1917 led to the gradual displacement of the subject of scientific studies by I. D. Andreev from the university, which resulted in the completion of his university career in 1924. Refs. 26.

Keywords: I. D. Andreev, Church History, St. Petersburg University, Department of Church History, Moscow Theological Academy, A. P. Lebedev, V. O. Klyuchevsky

Одной из тем исследований истории российской гуманитарной науки начала XX в. является изучение характера взаимодействия светского и церковного ученого мира этого времени. Разумеется, контекст этой коммуникации лежит в плоскости более широкой, связанной с общим характером светского и церковного мира эпохи. В воспоминаниях Зинаиды Гиппиус, которые часто в этой связи цитируются в литературе[1], отмечалось, что «человек тогдашнего “церковного” мира, — кто бы он ни был, — чиновник, профессор, писатель, учитель, просто богослов, и одинаково: умный и глупый, талантливый и бездарный, приятный и неприятный, — неизменно носил на себе отпечаток этого “иного” мира, не похожего на наш обычный “светский” (по выражению церковников) мир»[2]. Наблюдения З. Н. Гиппиус вполне коррелируют с современными исследованиями, показывающими, что хотя церковные историки постепенно выходили за границы «пузыря» церковно-исторической науки, начинали публиковаться в светских журналах, принимать участие в светских научных обществах, различия профессионального уклада светской и церковной науки оставались существенными[3]. В этом контексте особый интерес представляют судьбы ученых, находившихся на пересечении обоих «миров».

Яркий пример подобного рода дает биография профессора Ивана Дмитриевича Андреева (1867–1927), в разное время принадлежавшего к корпорациям двух высших учебных заведений — Московской духовной академии и Санкт-Петербургского университета. В истории последнего фигура ученого занимает видное место в связи с его преподавательской деятельностью на кафедре истории церкви и административной работой в качестве проректора университета в период так называемого «кризиса Кассо» — одного из ключевых моментов истории высшей школы начала XX в. Несмотря на это, в большинстве случаев исследователи прицельно обращались к биографии И. Д. Андреева лишь в рамках энциклопедических статей,

[1] См., напр.: *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф, 2005. С. 195.

[2] *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 92–93.

[3] *Ростовцев Е. А., Боднарчук Д. В.* Историки Санкт-Петербургской Духовной Академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 95. С. 70–93.

в которых очерчивали ее основные вехи[4]. Анализ научного наследия ученого, за редкими исключениями[5], вовсе не входил в поле внимания исследователей. Отдельно следует выделить статью игумена Дионисия (Шленова)[6], предварявшую осуществленную в 2015 г. публикацию лекций И. Д. Андреева. Ее ценность обусловлена прежде всего обращением автора к материалам личного архива историка, переданным его дочерью в 1970-е гг. в архив библиотеки Московской духовной академии и практически не введенным в научный оборот[7].

В настоящей статье мы сосредоточимся преимущественно на деятельности И. Д. Андреева в Санкт-Петербургском / Петроградском университете. При этом церковное происхождение ученого, его образование и становление, связанные исключительно с духовно-академической средой, позволяют нам поставить ряд любопытных вопросов. Что сподвигло ученого перейти из духовной академии в университет? Какие обстоятельства позволили осуществить этот переход? Как складывались его взаимоотношения с корпорацией столичного университета и министерством народного просвещения? Как церковный бэкграунд отражался на преподавательской и административной деятельности И. Д. Андреева? Насколько, в конечном счете, он смог стать «своим» человеком для Петербургского университета? Иными словами, мы попробуем взглянуть на личность И. Д. Андреева как на своеобразный культурный феномен, связанный с деятельностью выходца из церковной среды в пространстве светского высшего учебного заведения.

Церковный ученый

Вкратце остановимся на ранней биографии И. Д. Андреева, особенности которой были обусловлены его социальным происхождением. Будущий ученый родился в семье священника села Малиново Ливенского уезда Орловской губернии, окончил Орловскую духовную

---

[4] Андреев, Иван Дмитр. // Православная богословская энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина. СПб.: Т-во А. П. Лопухина, 1900. Т. 1: А — Архелая. Стб. 755–756; Андреев Иван Дмитриевич // *Голубцов С. А.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения: По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М.: [Б. и.], 1999. С. 11–12; *Бовкало А. А., К. А. М.* Андреев Иван Дмитриевич // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. II. С. 343–344; Андреев Иван Дмитриевич // *Мень А., прот.* Библиологический словарь. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 1. С. 63–64; Андреев Иван Дмитриевич // *Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С.* Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2006. С. 17; *Пиотровская Е. К., Гаврилов А. К.* Андреев Иван Дмитриевич // Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. 1. С. 18–21.

[5] *Потехина И. П.* И. Д. Андреев как историк западной церкви // Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: [сборник] / редкол.: В. В. Козловский, Р. Г. Браславский, К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. В. Малинов, Е. А. Ростовцев; отв. ред. В. В. Козловский, А. В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 633–643.

[6] *Дионисий (Шленов), игум.* Иван Дмитриевич Андреев и его научное наследие // *Андреев И. Д.* История религий: религии Передней Азии и христианство / Под ред. игум. Дионисия (Шленова). Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной акад., 2015. С. 17–37.

[7] См. обзор материалов архива: Там же. С. 17–19.

семинарию и Московскую духовную академию (1892). Среди академических профессоров, оказавших на него наибольшее влияние, историк ставил на первое место А. П. Лебедева, вслед за которым называл имена Е. Е. Голубинского и В. О. Ключевского[8]. Обращает на себя внимание, что научные авторитеты И. Д. Андреева, несмотря на их многолетнюю преподавательскую деятельность в стенах высшей духовной школы, оказывались в ситуации скрытого, а порой и открытого конфликта с консервативной частью церковного сообщества. В некрологе А. П. Лебедеву[9] И. Д. Андреев особенно сетовал на духовную цензуру (презрительно именуемую им «командой монашеской цензуры»), из-за которой «бесконечное множество блестящих объяснений, оригинальных и сильных гипотез» его учителя было «навсегда унесено в могилу»[10]. Далее он продолжал: «Я скажу даже больше: мысль о цензуре сбивала А. П. Лебедева с тем, к которым лежала его душа, но работать над которыми можно было только с полною уверенностью не видеть своей работы в печати. И этот человек умер не только не высказанным, но и изуродованным. Такова судьба всех наших видных церковных историков»[11]. Эти слова можно отнести и к Е. Е. Голубинскому, столкнувшемуся с известными проблемами в издании своих трудов[12]. Безусловно, подобные факты биографий известных церковных ученых влияли на формирование взглядов нашего героя на ту среду, в которой протекало его научное становление, а затем и преподавательская деятельность.

По окончании высшей духовной школы И. Д. Андреев был определен преподавателем философии и психологии в Таврическую духовную семинарию в Симферополе (1893–1895), но вскоре разочаровался в этой области знаний. «Философия в Академии является ancilla theologiae (служанкой богословия — *прим. Е. Р., Н. Г.*), — рассуждал он впоследствии, — мучительных проблем для нее не существует, догматическое богословие дает готовые ответы на все вопросы, она не может ошибаться, она безошибочно подводит оправдание под старые истины»[13]. В 1895 г. в жизни И. Д. Андреева произошло два важных события: он был удостоен ученой степени магистра богословия за диссертацию «Константинопольские патриархи от

---

[8] [И. Д. Андреев. Curriculum vitae. 9 мая 1924 г. Копия.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 110 об.

[9] *Андреев И. Д.* А. П. Лебедев. (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XVII. 1908. Октябрь. СПб., 1908. С. 56–73.

[10] Там же. С. 58.

[11] Там же. С. 59.

[12] См. об этом: *Соловьев И. В., Полунов А. Ю.* Академик Е. Е. Голубинский. Историк и время // *Соловьев И. В., Полунов А. Ю.* Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1998. С. 16–20.

[13] Прения [по докладу Н. А. Бердяева «Опыт философского оправдания христианства (В. Несмелов). 24 февраля 1909 г.] // Религиозно-философское общество в Санкт- Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 1: 1907– 1909. С. 502.

времени Халкидонского собора до Фотия» и по протекции А. П. Лебедева[14] перемещен помощником инспектора в родную академию, где в январе 1896 г. был избран доцентом, а в декабре 1899 г. — экстраординарным профессором по кафедре новой гражданской истории.

Последние годы служения И. Д. Андреева в стенах Московской духовной академии выпали на ректорство епископа Евдокима (Мещерского; 1903–1909), вошедшего в конфликт со студентами и частью профессорско-преподавательской корпорации на фоне политического кризиса, захватившего высшую школу, в том числе духовные академии. В письме Н. Н. Глубоковскому И. Д. Андреев более чем критически оценивал действия ректора в период революционных потрясений 1905 г.: в то время как студенты были «захвачены всеобщим движением», Евдоким обратился к ним с «резким ретроградским выступлением», чем, по мнению профессора, лишь «подлил масла в огонь». «“Пропадайте все, — мне бы лишь отличиться искоренением крамолы”, — таков девиз нашего кормчего», — резюмировал И. Д. Андреев[15]. Следует отметить, что его положение обострялось личным конфликтом с ректором, предпосылки которого возникли за три года до того, как Евдоким возглавил духовную школу. По этому поводу И. Д. Андреев отмечал: «Со мной Евдоким в “личных” отношениях: когда-то Совет при выборе на экстра-ординатуру предпочел меня ему, тогда инспектору и исправляющему должность э[кстра]-о[рдинарного] профессора»[16]. В этот пассаж вкралась одна неточность: архимандрит Евдоким был избран экстраординарным профессором академии по кафедре гомилетики и истории проповедничества раньше И. Д. Андреева — еще в декабре 1898 г.[17], однако, находясь вне штата, получал жалование доцента и только в феврале 1902 г. был избран штатным экстраординарным профессором[18]. Иными словами, упомянутая обида могла иметь, помимо всего прочего, финансовую составляющую.

Между тем, часть профессуры духовных академий, вслед за светскими учебными заведениями, требовала введения т. н. автономии, последовательным сторонником которой выступал И.Д. Андреев. В октябре 1905 г. он вместе с большинством профессоров академии (15 из 28[19]) подписал проект временных правил, которые наделяли бы профессорский Совет широкими полномочиями и «определяли бы автономную деятельность академии до введения

---

[14] [А. П. Лебедев — Н. Н. Глубоковскому. 2 ноября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 569. Л. 26; [А. П. Лебедев — Н. Н. Глубоковскому. 7 января 1907 г.] // Там же. Л. 31 об.

[15] [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. Не ранее 12 февраля 1905 г.] // Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. СПб.: издательство «Борей», 1994. С. 68–70.

[16] [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. Не ранее 12 февраля 1905 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 756. Л. 6. См. также: Протоколы заседаний Совета Московской духовной академии за 1899 год // Богословский вестник. 1900. Т. 3. № 12. С. 356–357.

[17] Протоколы заседаний Совета Московской духовной академии за 1899 год // Богословский вестник. 1899. Т. 3. № 9. С. 1–2 (4-я пагин.).

[18] Журналы Совета Московской духовной академии за 1902 год // Богословский вестник. 1903. Т. 1. № 3. С. 78–79 (4-я пагин.).

[19] *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века… С. 162.

нового устава»[20], который должен был прийти на смену реакционную уставу 1884 г. Впрочем, далеко не все профессора принимали участие в движении за автономию, послужившем поводом к расслоению корпорации[21]. Идею автономии высшей духовной школы не разделяла и высшая церковная власть: изданные 26 ноября 1905 г. Временные правила содержали лишь минимальные уступки желаниям либерально настроенной профессуры, создав, в сущности, лишь иллюзию компромисса[22].

Политическое противостояние в среде профессуры духовных академий проходило не только в отношении вопроса об «автономии», но и в широком контексте обсуждений церковной реформы. Вместе с частью своих коллег И. Д. Андреев выступал за демократизацию системы церковного управления и активное привлечение к участию в ней мирян[23]. В восстановлении патриаршества историк видел угрозу усиления «ученого монашества», представлявшегося ему деструктивным для церковной науки: «На этот счет, мне кажется, двух мнений быть не может у преподавателей академии. Господство полное монашизма означает наше уничтожение»[24]. Подобную перспективу профессор связывал со взглядами епископа Антония (Храповицкого) — одного из главных сторонников восстановления патриаршества и идеологов «ученого монашества»: «Этот прелат всегда ругал открыто все науки и всех ученых. Голубинский, Лебедев, Глубоковский и пр. для него были “невежды” (это я сам слыхал студентом еще) и недалекие люди. Да и вообще у монахов не хамского отношения к науке быть не может»[25]. Любопытно, что на выпускном курсе И. Д. Андреев сам чуть было не принял монашеский постриг, к чему его, как и многих других студентов, склонял Антоний — в ту пору архимандрит и ректор академии[26].

Однако свое окончательное решение покинуть академию историк связывал с резонансным увольнением В. О. Ключевского[27], обоснованно считавшегося патриархом русской либеральной историографии. Этот эпизод из жизни выдающегося историка неоднократно обращал на себя внимание его биографов и исследователей истории высшей

---

[20] [Записка профессоров Московской духовной академии. 13 октября 1905 г. Черновик] // РГИА. Ф. 802 Оп. 16. Д. 167. Л. 20.

[21] *Голубцов С. А.* Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века: По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М.: Мартис, 1999. С. 9.

[22] *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века… С. 29–30.

[23] См.: [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. Не ранее 12 февраля 1905 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 756. Л. 6 об. — 7; *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 352–353.

[24] Цит. по: Там же. С. 368.

[25] Цит. по: Там же.

[26] *Салищев Д., свящ.* Неизданные письма свт. Феофана Затворника к Ивану Дмитриевичу Андрееву // Труды по русской патрологии (Научный журнал Калужской духовной семинарии). 2022. № 3 (15). С. 117.

[27] [И. Д. Андреев. Curriculum vitae. 9 мая 1924 г. Копия.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 112 об.

духовной школы[28]. В сентябре 1906 г., после того как В. О. Ключевский подал прошение об увольнении из академии, решением Совета к нему была направлена депутация из ректора и двух профессоров (И. Д. Андреева и А. П. Голубцова), которая просила ученого отказаться от своего намерения. Тот обещал подумать над окончательным решением, однако вскоре ситуация приобрела неожиданный поворот. Не дождавшись ответа В. О. Ключевского, администрация академии приняла шаги к освобождению занимаемой им кафедры: 21 сентября 1906 г. Совет дал ход прошению профессора о его увольнении[29]. Действия Совета вызвали широкий общественный резонанс и способствовали расколу профессорско-преподавательской корпорации. Оставшиеся при особом мнении пять профессоров, в числе которых был И. Д. Андреев, выступили с открытым письмом на страницах «Русских ведомостей», которым публично заявили, что снимают с себя «нравственную ответственность» за решение Совета[30]. Ситуацию обостряло то, что ректор устранил от участия в злополучном заседании Совета младших преподавателей, опасаясь, что они создадут перевес партии сторонников В. О. Ключевского[31]. В результате, они также присоединились к упомянутому отрытому письму[32]. Оценивая, спустя месяц, роль произошедших событий в жизни учебного заведения, И. Д. Андреев писал Н. Н. Глубоковскому: «Корпорация глубоко разделена и потрясена известной, вероятно, и Вам историей. Вместо науки мы целый год занимались стиркой грязного белья пред Синодом и всей публикой. Найдется ли мир, не знаю. В академии стало тошно служить. Я старался в деле Тихомирова держаться нейтрально, но дело это затронуло Ключевского, чем захватило и меня»[33].

Очевидно, что подобное настроение создавало почву для поиска иной карьерной стратегии. История с увольнением В. О. Ключевского стала своеобразным «спусковым крючком» разрыва с И. Д. Андреева с высшей духовной школой. Достойной альтернативой занимаемому им положению могло быть место в одном из российских университетов. Обстоятельства сложились так, что эта альтернатива оказалась вполне реальной: 1 августа 1906 г. на 36-м году жизни скончался исправляющий должность экстраординарного профессора кафедры истории церкви Петербургского университета Б. М. Мелиоранский. Последний не успел оставить ученика, который мог бы «подхватить» его дело, и вакантная

---

[28] *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. С. 467–468, 497–500; *Голубцов С. А.* Московская духовная академия в революционную эпоху… С. 23–28; *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века… С. 46, 53–54, 78, 198–200.

[29] [Журнал заседания Совета Московской духовной академии. 21 сентября 1906 г.] // Богословский вестник. 1907. Т. 2. № 5. С. 251–253.

[30] Уход проф. В. О. Ключевского из московской духовной академии // Русские ведомости. 1906. № 245. 6 октября. С. 4.

[31] Там же. С. 53–54.

[32] К уходу проф. В. О. Ключевского из московской духовной академии // Там же. № 246. 7 октября. С. 4.

[33] [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. 4 ноября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 306. Л. 4–4 об.

кафедра была предложена ординарному профессору Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковскому[34]. Как и И. Д. Андреев, он принадлежал к числу учеников А. П. Лебедева, к тому времени давно покинувшего академию и занимавшего кафедру истории церкви Московского университета. Зная о желании Н. Н. Глубоковского отказаться от предложения столичного университета, А. П. Лебедев обратился к нему с просьбой посодействовать избранию на вакантную кафедру И. Д. Андреева: «Пишу о Андрееве по его просьбе, так как в Академии со введением вожделенных автономий, житья не стало добрым людям»[35]. В качестве возможного аргумента для баллотирования кандидатуры своего ученика А. П. Лебедев приводил справедливый факт, что в одном из своих сочинений покойный Б. М. Мелиоранский «сделал лестный отзыв о магистерской диссертации Андреева, указав, что по некоторым вопросам он ушел вперед, оставив позади западных ученых»[36], но вместе с тем добавлял: «Конечно, в общем его учен[ый] багаж не из крупных — сознаюсь»[37]. Стоит отметить, что И. Д. Андреев выступал одним из авторов «Богословской энциклопедии», издававшейся под редакцией Н. Н. Глубоковского и объединившей вокруг себя значительное число светских и церковных ученых-гуманитариев[38], что, вероятно, послужило дополнительным основанием для продвижения его кандидатуры.

Помимо И. Д. Андреева желание участвовать в конкурсе на вакантную кафедру выразили еще два человека: преподаватель Владимирской духовной семинарии Н. В. Малицкий и приват-доцент Казанского университета К. В. Харлампович[39]. В связи с этим на историко-филологическом факультете была образована специальная комиссия для рассмотрения трудов кандидатов и отзывов об их научной деятельности[40]. Весной 1907 г. И. Д. Андреев писал Н. Н. Глубоковскому о своем волнении и «томительном ожидании» решения факультета. «Впрочем, — замечал он, — теперь страху большого для меня не будет: несколько авторитетных лиц комиссии выскажется в мою пользу, а этого достаточно для избежания конфуза»[41]. В результате баллотирования, произведенного на заседании историко-филологического факультета 5 мая 1907 г., И. Д. Андреев был единогласно избран на вакантную кафедру 13 избирательными голосами при отсутствии неизбирательных. Для

---

[34] *Гольцов Н. В.* Кафедра истории церкви Санкт-Петербургского университета: вехи секуляризации // Вестник Костромского государственного университета. 2026. № 3 (в печати).

[35] [А. П. Лебедев — Н. Н. Глубоковскому. 2 ноября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 569. Л. 26.

[36] Там же. Л. 26–27. Ср.: *Мелиоранский Б. М.* Георгий Кипрянин и Иоанн Иерусалимлянин, два малоизвестных борца за православие в VIII веке. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. С. 106.

[37] [А. П. Лебедев — Н. Н. Глубоковскому. 2 ноября 1906 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 569. Л. 27.

[38] См. подробнее: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. С. 249–302.

[39] Протокол заседания Совета С.-Петербургского университета. 21 мая 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год. № 63. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1908. С. 149.

[40] *Дионисий (Шленов), игум.* Иван Дмитриевич Андреев и его научное наследие. С. 32.

[41] [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. Не позднее 4 апреля 1907 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 306. Л. 6–6 об.

сравнения, два других кандидата получили по 1 избирательному и по 12 неизбирательных голосов[42]. Очевидно, в ответ на это известие И. Д. Андреев писал Н. Н. Глубоковскому: «Сердечное спасибо за привет! Вы приняли такое участие в этом деле и так ободряли меня, что мне трудно выразить мое чувство признательности Вам. Вашу телеграмму я сохраню навсегда в моей коллекции самых дорогих мне документов»[43]. Говоря об успешном избрании И. Д. Андреева на факультете, уместно отметить, что московского историка роднило с петербургской исторической школой особое внимание к историческому источнику, воспитанное в нем школой А. П. Лебедева. «Он любил источники и беспощадно гнал от себя и преследовал в работах учеников выводы, если они вырывались из-под власти документов, — вспоминал о своем учителе И. Д. Андреев. — “Философии”, разгонистых гипотез А. П. Лебедев не выносил и карал за них немилосердно. Сначала с ним трудно было мириться, но потом приходило сознание, что эти суровые руки ставят на правильный путь»[44].

Вслед за этим И. Д. Андрееву предстояло избрание на профессорском Совете, которое состоялось 21 мая 1907 г. Почти с тем же успехом он был избран исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре истории церкви 32 избирательными голосами против 2 неизбирательных[45], и высочайшим приказом от 10 ноября 1907 г. назначен на эту должность[46] (не имея докторской степени, И. Д. Андреев, согласно действовавшему университетскому уставу, не мог занимать должность профессора — как и во многих других случаях, проблема решалась добавлением приставки «исправляющий должность»[47], которая сопровождала историка всю его последующую службу в дореволюционном университете). В жизни И. Д. Андреева начинался новый этап. «Внимание факультета дало мне пережить минуты высокого удовлетворения. Я иду к Вам с любовью и страшным усилием работать на свободе, — признавался он антиковеду Ф. Ф. Зелинскому. — К сожалению, мне нужен ремонт: целый год я провел на боевых позициях и в течение семи месяцев стал седым, не имея раньше ни одного седого волоса. Я бился за старую славную прогрессивную академию в лице Ключевского»»[48].

---

[42] [Выписка из протокола заседания историко-филологического факультета. 5 мая 1907 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 1; Протокол заседания Совета С.-Петербургского университета. 21 мая 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год. С. 149.

[43] [И. Д. Андреев — Н. Н. Глубоковскому. Не позднее 10 мая 1907 г.] // ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. № 306. Л. 8–8 об.

[44] *Андреев И. Д.* А. П. Лебедев. (Некролог). С. 64.

[45] Протокол заседания Совета С.-Петербургского университета. 21 мая 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год. С. 149.

[46] [Департамент народного просвещения — Управляющему С.-Петербургским учебным округом. 20 ноября 1907 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 4.

[47] *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С. 158.

[48] Цит. по: *Дионисий (Шленов), игум.* Иван Дмитриевич Андреев и его научное наследие. С. 33.

Безусловно, гладкость прохождения кандидатуры И. Д. Андреева сначала на факультете, а затем и в Совете университета, многое говорит о восприятии его фигуры ученым сообществом. В то время как московские профессора выступали против избрания на кафедру истории церкви выходцев из духовных академий[49], репутация либерала, которой И. Д. Андреев обзавелся еще в период преподавания в духовной школе, нивелировала его церковный бэкграунд и позволила избежать противостояния профессуры столичного университета. Тем не менее, образ «перебежчика из духовной академии», как аттестовал И. Д. Андреева один из его студентов и коллег[50], оказался неизбежной частью идентификации историка со стороны университетской корпорации. В то же время уход И. Д. Андреева с духовно-учебной службы не прошел незамеченным. Некоторые современники ставили его в один ряд с громким уходом из столичной академии историка и будущего министра исповеданий Временного правительства А. В. Карташева[51], рассматривая оба случая как симптомы «болезни» высшей богословской школы, заключавшейся в ее политизации правого толка[52].

Светский историк церкви

К преподавательской деятельности в стенах Петербургского университета И. Д. Андреев приступил 1 февраля 1908 г., прочтя вступительную лекцию в рамках объявленного им курса «История христианской церкви в течение первых трех веков»[53], и стал активно включаться в жизнь учебного заведения. «На масленице мельком видел Андреева. Он очень похудел. — свидетельствовал весной 1908 г. А. П. Лебедев. — Видно, что университет ему достается недаром. Я всячески забочусь о том, чтобы на долю университета приходился minimum моего труда. Но Андреев, по-видимому, самолюбив, и поэтому готов запрячь себя очень серьезно в

[49] *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.* Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 59–60.

[50] Цит. по: *Вейдле В. В.* Воспоминания // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках: в 3 т. Т. 2. 1861–1916: в 2 кн. Кн. II / сост. и отв. ред. Е. А. Ростовцев; подг. текстов и коммент. Б. М. Абдулина, А. Д. Алексеев, В. В. Андреева, Д. А. Баринов, Д. В. Боднарчук, А. Ю. Дворниченко, Т. Н. Жуковская, К. Б. Назаренко, Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук, А. А. Солнышкин, Д. А. Сосницкий, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. С. 406.

[51] См. об этом: *Карпук Д. А.* Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 188–189.

[52] Заседание 11 октября 1915 г. Прения по докладу К. М. Аггеева «Ближайшие судьбы Русской Церкви. По поводу записки думского духовенства» // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российской государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. Т. 3: 1914–1917. М.: Русский путь, 2009. С. 197.

[53] [Ректор Санкт-Петербургского университета — попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. 31 января 1908 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 5.

университетскую колесницу»[54]. С 1910–1911 учебного года постоянной частью преподавательской нагрузки профессора стал общий курс по истории церкви, который дополнялся различными специальными курсами, семинариями и просеминариями, тематика которых менялась из года в год[55]. Преимущественно они были посвящены истории раннего христианства и восточной церкви в первом тысячелетии, хотя среди них можно также найти, например, курс, посвященный истории папства. В этом контексте в литературе отмечается определенный вклад И. Д. Андреева в историю западной церкви[56].

Вероятно, необходимость фундированной подготовки университетских курсов по новым предметам требовала от профессора истории церкви значительных трудозатрат, которые помешали ему сосредоточиться на написании докторской диссертации. В результате, И. Д. Андреев пополнил ряд известных ученых историко-филологического факультета, которые долгие годы успешно занимали профессорские кафедры, оставаясь магистрами (Ф. Ф. Соколов, А. И. Введенский, И. М. Гревс, Ф. А. Браун и др.).

Мемуарных текстов, свидетельствовавших бы о восприятии лекций И. Д. Андреева студенческой аудиторией, сохранилось немного. Один из них принадлежит В. В. Вейдле, выпускнику (1916) и преподавателю (1921–1925) Петроградского университета. В 1969 г., находясь в эмиграции, он вспоминал: «И все-таки никто с такой для меня самого неожиданной силой историка, да и вообще ученого во мне не пробудил, как профессор Андреев, которого я даже имени-отчества не помню и курс которого по истории раннего христианства слушал я в первый же мой университетский год. Тут меня, правда, не лектор, а самый предмет захватил, но, конечно, не без помощи лектора, который был и компетентен, и сам — это чувствовалось — захвачен своим предметом»[57]. В данном случае интерес мемуариста был вызван тем, что лекции И. Д. Андреева открывали перед ним «совершенно новую область знаний», о которой он не имел до тех пор «никакого понятия»[58]. Вместе с тем, личность И. Д. Андреева, по всей видимости, не производила столь же яркого впечатления на идеалистически настроенных студентов, которые специализировались на истории церкви не только в связи с научным интересом, но и под влиянием личных религиозных исканий. В этом смысле показательны воспоминания одного из них — С. С. Безобразова, в эмиграции ставшего епископом Кассианом. «На историко-филологическом факультете Петербургского университета дней моей юности, — утверждал он, — печать религии, смею сказать, христианства, лежала и на светских течениях научной мысли, поскольку они отрывались от

[54] [А. П. Лебедев — Н. Н. Глубоковскому. 14 марта 1908 г.] // ОР РНБ. Ф. 569. Оп. 1. № 569. Л. 44 об. — 45.

[55] См.: *Потехина И. П.* И. Д. Андреев как историк западной церкви. С. 639–640.

[56] Там же. С. 633–643.

[57] Цит. по: *Вейдле В. В.* Воспоминания. С. 415.

[58] Там же.

старого и обреченного позитивизма»[59]. В подтверждение этого тезиса мемуарист указывал на ряд преподавателей и профессоров, проделавших «путь от позитивизма к церкви» и активно обращавшихся в своих лекциях к религиозной тематике. Примечательно, что в одном ряду с И. М. Гревсом, Ф. Ф. Зелинским, Э. Д. Гриммом и Н. О. Лосским не нашлось места главному представителю науки о религии на историко-филологическом факультете — И. Д. Андрееву, ни разу не упомянутому автором воспоминаний. Вероятно, пример ученого, рожденного и воспитанного в церковного среде, не был столь созвучен религиозно взыскующим студентам, проделавшим, как и их учителя, определенную мировоззренческую трансформацию.

В то же самое время нельзя не отметить, что если для перечисленных светских историков тексты по истории церкви носили факультативной характер и отражали процесс освоения светской историографией церкви как предмета исследования, то И. Д. Андреев, как и большинство церковных историков, за пределы истории церкви не вышел. Основной площадкой для публикационной активности И. Д. Андреева в «петербургский» период его жизни стал «Новый энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где профессор состоял редактором отдела по истории христианства (1910–1917). В общей сложности он подготовил для этого издания более 250 статей, в которых нашли отражение отделы его университетского курса по истории церкви[60]. Другим важным публикационным итогом более чем 15-летней университетской службы И. Д. Андреева стал не столько научный, сколько учебный, хотя и очень обширный и добротный труд «Пособие по истории церкви»[61]. В этом смысле приходится констатировать, что светским историком его автор стал скорее с точки зрения эмансипации от установок православного богословия и своего нового институционального положения, но не в качестве профессионала, полноценно вошедшего в светскую историографию.

Между тем, под руководством И.Д. Андреева кафедра истории церкви получила новый импульс для своего развития. В 1909 г. в ее состав впервые вошел специалист, не имевший богословского образования (приват-доцент М. Д. Приселков), что формально нарушало соблюдавшееся ранее определение 1873 г., по которому профессора и преподаватели кафедры должны были быть выпускниками духовных академий[62]. В практической плоскости из этого определения вытекала еще одна особенность кафедры истории церкви, долгое время

---

[59] *Кассиан (Безобразов), еп.* Родословие духа (Памяти Константина Васильевича Мочульского) // Православная мысль: Труды Православного богословского института в Париже. Вып. VII. Париж: YMCA-PRESS, 1949. С. 11.

[60] [И. Д. Андреев. Curriculum vitae. 9 мая 1924 г. Копия.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 112 об.

[61] *Андреев И. Д.* Пособие по истории церкви. СПб.: Студ. Изд. ком. при Ист.-филол. фак. С. Петерб. ун-та, 1914 (переиздание: СПб.: Издательский дом «Коло», 2024).

[62] См. об этом: *Сухова Н. Ю.* Церковная история как богословская дисциплина в контексте исторического образования в синодальный период // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 4 (47). С. 34–35.

отличавшая ее от других кафедр историко-филологического факультета: университет не практиковал оставлений по ней для приготовления к профессорскому званию. Однако при И. Д. Андрееве эта практика также была нарушена оставлением по кафедре в 1911 г. А. П. Алявдина. Важно отметить, что из пяти лиц, в общей сложности оставленных по кафедре в последнее десятилетие ее существования, трое в конечном счете успешно пополнили ее преподавательский состав. Другими словами, к началу XX в. Петербургский университет обзавелся механизмом воспроизводства научных кадров в области истории церкви и, следовательно, больше не зависел от духовных академий в вопросе замещения соответствующей кафедры. Пользуясь терминологией современников событий, мы вправе говорить о произошедшей при И. Д. Андрееве секуляризации кафедры истории церкви столичного университета, ее эмансипации от системы духовного образования[63].

Университетский деятель

И. Д. Андреев довольно быстро освоился с ролью университетского профессора, которая включала в себя не только преподавание, но и общественно-организаторскую деятельность. В 1908–1909 гг. он являлся председателем Религиозно-философского общества, выступив, по мнению исследователей, наиболее «подходящей личностью для восприятия официальных властей», что имело немаловажное значение, если принять во внимание остроту обсуждавшихся в Обществе вопросов (правда, это не помешало полиции на первом же заседании под председательством И. Д. Андреева запретить прения по докладам)[64]. Участие в работе Общества также принимали его коллеги по факультету: С. Л. Франк, Ф. Ф. Зелинский, А. И. Введенский, М. И. Туган-Барановский, Н. О. Лосский и др.

Из других общественных предприятий, в которых принимал участие И. Д. Андреев, следует указать на Историческое общество при Санкт-Петербургском университете, которое по существу являлось объединением всех столичных историков либерально-прогрессивного направления. И. Д. Андреев являлся казначеем Общества (при председателе профессоре Н. И. Кареве), а на заседании секции русской истории, посвященном памяти Е. Е. Голубинского (29 февраля 1912 г.), выступил с речью «Два слова ученика об учителе»[65]. И. Д. Андреев также являлся активным членом Общества вспомоществования студентам

---

[63] См. об этом: *Гольцов Н. В.* Кафедра истории церкви Санкт-Петербургского университета: вехи секуляризации.

[64] *Коростелев О. А., Ермишин О. Т.* Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917. Т. 1. С. 11, 15–18.

[65] Протоколы секции русской истории (1911–1914 гг.) // Историческое обозрение: Сборник Исторического Общества при Императорском Петроградском университете. Т. 20 / под ред. Н. И. Кареева. Пг.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. С. 133.

Санкт-Петербургского университета, будучи избранным в 1909 г. в члены его комитета (при председательстве профессора М. М. Ковалевского)[66]. Вообще в университетской профессорской коллегии И. Д. Андреев примкнул к т. н. левой группе профессоров, которая в это время контролировала университетский Совет, согласовывая внутри себя заранее все основные решения профессорской коллегии, в том числе важные в политическом контексте. Например, о выборах членов и кандидатов профессорского суда (на деле «покрывавшего» фрондирующих студентов), в число которых, кстати, избирался и И. Д. Андреев[67]. Между тем, наиболее важное предложение, которое он выдвинул, натолкнулось на сопротивление Совета: И. Д. Андрееву не удалось (несмотря на поддержку историко-филологического факультета) провести норму, позволявшую поступать на этот факультет выпускникам семинарий без дополнительных испытаний[68]. Можно предположить, что такая норма, будучи одобренной, не только улучшила бы возможности выходцев из близкой профессору среды для получения университетского образования, но способствовала бы притоку на факультет студентов, интересующихся историей церкви.

Говоря об организаторской стезе университетской работы, нельзя обойти вниманием еще одну страницу биографии И. Д. Андреева — его непродолжительную, но довольно драматичную работу в качестве проректора Петербургского университета. Ей предшествовал затяжной конфликт прежней университетской администрации с министерством А. Н. Шварца, в основе которого лежал отказ ректора И. И. Боргмана и проректора Э. Д. Гримма сотрудничать с министерством в деле «осведомленности» о студентах, устраивающих революционные сходки. Университетский Совет выразил полную солидарность с университетской администрацией[69] . На волне этой поддержки на выборах ректора 1 марта с большим отрывом победил член ЦК кадетской партии Д. Д. Гримм (за его кандидатуру было подано 58 голосов против 7)[70]. В последующие несколько месяцев университет возглавляли братья Гримм — один в должности ректора, другой в должности проректора. Эта «семейственность» была связана с тем, что процесс увольнения проректора затянулся из-за

[66] Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского Университета. Основано 4 ноября 1873 года. Отчет за 1909 год. СПб.: Типография «Печатный труд», 1910. С. 3, 69, 72.

[67] Протокол № 3 заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 13-го апреля 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год. № 65. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1910. С. 66; Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 15 сентября 1912 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 год. № 68. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1914. С. 124.

[68] Протокол № 3 заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 13-го апреля 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год. С. 67–68; Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета 20 мая 1909 года // Там же. С. 87.

[69] Протокол заседания Совета СПб. университета. 18 января 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. № 66. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1911. С. 4.

[70] Протокол заседания Совета СПб. университета. 1 марта 1910 г. // Там же. С. 67–68.

бюрократических проволочек. Однако в мае последовало увольнение Э. Д. Гримма и встал вопрос о замещении должности проректора.

На эту должность И. Д. Андреев был избран 17 мая 1910 г. при следующем порядке: сначала члены Совета подавали записки с именами кандидатов на должность, после чего проректор избирался из предложенных лиц закрытым баллотированием шарами. Уже на первом этапе большинство профессоров высказались за кандидатуру И. Д. Андреева, в пользу которого было отдано 32 голоса. На втором месте оказался языковед (и одновременно видный член кадетской партии) профессор С. К. Булич, получивший 20 голосов. Остальные кандидаты получили 9 и менее голосов[71]. Можно предположить, что план выборов был заранее согласован «левой группой» таким образом, чтобы на контрасте с либералом С. К. Буличем гарантированно провести другого своего кандидата, который не вызывал такого раздражения «правых» профессоров. Если этот план существовал, то он вполне сработал. На этапе баллотировки шарами С. К. Булич получил 22 избирательных и 18 неизбирательных, а И. Д. Андреев — 32 избирательных и 10 неизбирательных голосов. Тем самым он был избран проректором университета[72], а 17 июня утвержден в этой должности министром А. Н. Шварцом со дня избрания [73]. Между тем, неспособность А. Н. Шварца «обуздать» своенравные профессорские коллегии стала одной из основных причин его отставки и назначения на должность министра Л. А. Кассо, который стал, пожалуй, самым одиозным главой этого ведомства за всю историю[74].

Будучи проректором университета, т.е. человеком, прямо отвечающим за работу администрации со студенчеством, И. Д. Андреев был обречен играть одну из основных ролей в конфликте «реакционного» министерства и «революционного студенчества». Первым столкновением нового министра с университетской корпорацией стали коммеморационные события, связанные с последовавшей 7 ноября 1910 г. кончиной Л. Н. Толстого, незадолго до этого избранного почетным членом университета[75]. Смерть писателя стала поводом для проведения студенческих сходок и демонстраций. Из протоколов заседания Совета университета известно, что собравшаяся в день смерти писателя советская комиссия (постоянный распорядительный орган Совета) постановила, в знак траура, отменить на

---

[71] Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 17 мая 1910 г. // Там же. С. 121–122.

[72] Там же.

[73] [Департамент народного просвещения — управляющему Санкт-Петербургским учебным округом. 17 июня 1910 г. Копия] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 37.

[74] См.: *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Миф о Л. А. Кассо // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 14–22.

[75] *Брачев В. С.* Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10 (82). С. 68–76.

следующий день занятия в университете[76]. Вместе с тем, товарищ министра внутренних дел в донесении Л. А. Кассо указывал на еще одно решение комиссии: отслужить панихиду по скончавшемуся писателю. Выбранный комиссией в качестве депутата И. Д. Андреев обратился с этой просьбой к профессору богословия и настоятелю университетской церкви протоиерею В. Г. Рождественскому, однако тот, по понятным причинам, ее «категорическим отклонил»[77]. Ситуация, при которой вчерашний профессор духовной академии просит отслужить панихиду по отлученному от церкви писателю — еще один яркий штрих для характеристики того, как образованное общество реагировало на проблему взаимоотношений Л. Н. Толстого и церкви[78]. В ходе волнений по поводу кончины Л. Н. Толстого И. Д. Андрееву первый раз пришлось выступать в роли парламентера и успокоителя возбужденной студенческой фронды — на сходках и митингах[79].

Противостояние российских университетов с министерством, вылившееся в т. н. «кризис» или «разгром» высшей школы 1911 г., о котором много написано в литературе[80], началось после издания в конце 1910 — начале 1911 г. целого ряда репрессивных документов[81]. Смысл их заключался, прежде всего, в возложении на руководство университетов и профессорские коллегии «всей тяжести ответственности» (согласно постановлению Совета министров от 11 января 1911 г.) за возможные беспорядки в стенах высших учебных заведений и в запрете всех студенческих собраний (исключая собрания научного и учебного характера) в высшей школе[82]. Меры, принятые властями, вызвали резкую негативную реакцию как студенчества, так и профессорских Советов, в том числе Санкт-Петербургского университета, подчеркнувшего в своем заявлении, что «нормальный ход учебной жизни <…> не может быть построен на полицейских мерах»[83]. К последней декаде января напряжение в столичном университете достигло небывалого накала. Так, 22 января И. Д. Андреев совместно с профессором Ф. А. Брауном был вынужден снимать красные флаги, вывешенные в университете[84], а 25 января проректору пришлось фактически спасать от

---

[76] Протокол заседания Совета Императорского СПб. университета 8 ноября 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год. С. 135–136.

[77] [Товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов — министру народного просвещения Л. А. Кассо. 30 ноября 1910 г.] // РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 168. Л. 20; *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи… С. 616.

[78] См.: *Ореханов Г., свящ.* Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников: монография. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 531–532.

[79] См.: *Брачев В. С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть: Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб.: Астерион, 2014. С. 106, 109, 110, 113, 115.

[80] См.: *Баринов Д. А.* Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10. С. 106–117.

[81] См. подробнее: *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи… С. 621–622.

[82] Там же. С. 622.

[83] Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 17-го января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. № 67. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1913. С. 15–17.

[84] *Брачев В. С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть… С. 97.

избиения студента, в котором революционная молодежь заподозрила провокатора[85]. 26 января университетская сходка, организованная Петербургским городским студенческим коалиционным комитетом, который контролировали социалистические партии, объявила забастовку с требованием отмены правительственного постановления 11 января. Администрация принимает решение об экстренном закрытии университета, однако уже 31 января вынуждена возобновить занятия по указанию министра. Проректор в этих условиях в буквальном смысле оказался на передовой фронта борьбы радикального студенчества и полиции, которую власти распорядились ввести в университеты для поддержания порядка и борьбы с обструкциями. По свидетельству современников, И. Д. Андреев также пытался снизить число «обструкций», уговаривал студентов, прибегая к аргументу о том, что неучастие в эксцессах будет демонстрировать уважение к началам университетской автономии[86]. В то же время, выступая в печати, И. Д. Андреев подчеркивал, что именно правительство своими мерами лишило университетские администрации возможности эффективно бороться с студенческими беспорядками[87] и на просьбы присутствовать при арестах студентов отвечал, что раз в университете хозяйничает полиция, он, как проректор «умывает руки»[88].

Другой фронт его административной деятельности — внутрикорпоративный: руководство университета (Д. Д. Гримм и И. Д. Андреев) постоянно проводят совещания левой группы профессоров, на которой принимается решение не идти на дальнейший открытый конфликт с властями по примеру Московского университета, где Л. А. Кассо не только принял отставку администрации, но и уволил ректора, проректора, что дальше вызвало массовую отставку профессуры и приват-доцентов[89]. Публично выразив московским коллегам поддержку и сочувствие (соответствующее письмо подписало 35 профессоров, включая Д. Д. Гримма и И. Д. Андреева)[90], петербургская университетская коллегия взяла курс на сохранение университета. С одной стороны, он заключался в поддержании учебного процесса и даже включал «патрулирование» главного коридора профессорами с целью поддержания порядка, с другой стороны, в непрерывном внушении чиновникам необходимости вывода полиции из университета и возвращения уволенных за беспорядки студентов. Отметим, что,

---

[85] [Ректор Санкт-Петербургского университета — Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа, 25 января 1911 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. № 12598. Л. 13–13 об.

[86] В высших учебных заведениях. В Петербурге // Речь. 1911. 4 (17) февраля. № 34. С. 4.

[87] *Брачев В. С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть… С. 138–139.

[88] Там же. С. 147.

[89] См., напр.: *Савельева В. Г., Яковлев В. П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет. // Вестник ЛГУ. Серия: История, языкознание, литература. 1983. № 2. Вып. 1. С. 17–18; Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В. Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995. С. 116.

[90] Заседание совета профессоров. В Петербурге. В высших учебных заведениях // Биржевые ведомости. 1911. 7 февраля. № 12162. С. 3; В высших учебных заведениях // Речь. 1911. 11 (24) февраля. № 41. С. 4.

несмотря на нервную реакцию министерства, Совету удалось в конце концов добиться своего и абсолютное большинство уволенных студентов было принято обратно[91].

Еще в начале февраля 1911 г. И. Д. Андреев (равно как и ректор Д. Д. Гримм) подает прошение об отставке[92], которое было принято 26 августа 1911 г[93]. Показательно то, как его коллеги встретили эту новость на очередном заседании Совета: «Ректор обратил внимание Совета, что И. Д. Андреев исполнял обязанности проректора при исключительно неблагоприятных обстоятельствах, в тяжелое время жизни университета, нес эти обязанности с необыкновенным самоотверждением и <…> не раз проявлял необыкновенную преданность и любовь к университету. За эти бесценные труды ректор предложил Совету выразить горячую благодарность И. Д. Андрееву, что и было исполнено членами Совета, покрывшими громкими аплодисментами предложение ректора»[94]. Вскоре Совет чествовал и самого уже бывшего ректора Д. Д. Гримма, который был уволен приказом 12 сентября[95].

Пребывание в должности проректора пагубно отразилось как на здоровье И. Д. Андреева[96], так и на его дальнейшей карьере в стенах университета. «В награду за эту работу, — вспоминал историк, — я не получил утверждения в должности ординарного профессора и удостоился особого попечения министра: меня хотели выпроводить в провинцию: то в Юрьев, то в Одессу. Только война 1914 г., а потом смерть министра избавили меня от забот министра о моем благополучии»[97]. Действительно, 18 января 1914 г. историко-филологический факультет постановил ходатайствовать о возведении И. Д. Андреева в звание исправляющего должность ординарного профессора[98], однако Л. А. Кассо счел это назначение «преждевременным»[99], тем самым заблокировав дальнейшее продвижение своего оппонента по карьерной лестнице. В результате, И. Д. Андреев был удостоен упомянутого звания лишь 15 ноября 1916 г. — через два года после смерти министра и за несколько месяцев до падения самодержавия. Что же касается попыток Л. А. Кассо перевести И. Д. Андреева в один из

---

[91] *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Л., 1971. С. 192.

[92] Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 31-го января 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. С. 50.

[93] [Министр народного просвещения — управляющему Санкт-Петербургским учебным округом. 26 августа 1911 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 53.

[94] Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 12 сентября 1911 года // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год. С. 140.

[95] Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета 3 октября 1911 года // Там же. С. 161.

[96] [И. Д. Андреев. Curriculum vitae. 9 мая 1924 г. Копия.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 112 об.

[97] Там же.

[98] [Представление историко-филологического факультета ректору Санкт-Петербургского университета. 23 января 1914 г.] // Там же. Л. 59.

[99] [Министр народного просвещения — управляющему Санкт-Петербургским учебным округом. 30 мая 1914 г. Копия] // Там же. Л. 63.

провинциальных университетов, то в этом заключалась одна из тактик министра по борьбе с неугодными профессорами столичных университетов[100].

Отметим, что уход из университетской администрации не поколебал прогрессивных взглядов профессора. Например, под письмом «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев», составленным В. Г. Короленко и опубликованным в конце ноября 1911 г. в кадетской «Речи», стоят подписи нового ректора Э. Д. Гримма и многих членов корпорации, в том числе и И. Д. Андреева[101]. Персональным вкладом И. Д. Андреева в борьбу с «кровавым наветом» стало издание под его редакцией перевода книги немецкого богослова Г. Л. Штрака, посвященной разоблачению этого мифа[102]. Между тем, административную нагрузку И. Д. Андреев значительно снизил, минимизировав в последние дореволюционные годы даже свое участие в заседаниях университетского Совета[103]. Помимо здоровья, дистанцированию от административных обязанностей в университете способствовала и все возрастающая нагрузка в других учебных заведениях столицы. Помимо университета, И. Д. Андреев преподавал на Высших женских историко-литературных и юридических курсах (с 1909 г.), курсах Лесгафта (с 1912 г.) и на педагогическом факультете Психо-неврологического института (с 1913 г.).

После крушения «старого порядка»

Крушение «старого порядка» в феврале 1917 г. открыло возможности для преобразований не только в общественно-политической, но и в церковной сфере. Безусловно, главным событием церковной жизни тех лет выступил созыв Поместного собора 1917–1918 гг., отличительной чертой которого стало широкое представительство разных церковных групп[104]. В частности, на собор приглашались представители российских университетов, которые избирались на собраниях своих православных профессоров и преподавателей[105]. В Петроградском университете соответствующее собрание состоялось 8 августа 1917 г. под председательством декана физико-математического факультета В. М. Шимкевича[106].

---

[100] *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Миф о Л. А. Кассо. С. 18–19.

[101] Речь. 1911. 30 ноября (13 декабря). № 329. С. 2 (отдельное издание: СПб., [1912]).

[102] *Штрак Г. Л.* Кровь в верованиях и суевериях человечества. Народная медицина и вопрос о крови в ритуале евреев / Пер. с нем. А. Н. Черновой под ред. проф. Петерб. ун-та И. Д. Андреева. СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон», 1911.

[103] См., напр.: Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 11367.

[104] *Беглов А. Л.* Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 1. С. 59.

[105] См. об этом: *Илюхина О. А.* Социокультурный портрет профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий — участников Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 109. С. 84–105.

[106] [Объявление о собрании для избрания делегата Петроградского университета на Поместный Собор. 1 августа 1917 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. № 91. Л. 7.

Делегатом был избран И. Д. Андреев[107]. Однако рабочие заседания открывшегося 15 августа 1917 г. Собора начались без представительства столичного университета: 4 сентября 1917 г. ректор сообщил Совету о том, что И. Д. Андреев «заболел и просит заместить его другим лицом»[108]. Есть вероятность, что он вовсе не принимал участия в упомянутом собрании и лишь постфактум был уведомлен о своем избрании[109] (возможность такого порядка оговаривало «Положение о созыве Поместного собора»[110]). Было назначено новое собрание, выбравшее делегатом другого представителя кафедры истории церкви — приват-доцента М. Д. Приселкова, который впоследствии также сложил с себя полномочия, а его место занял профессор восточного факультета А. М. Позднеев[111].

Впоследствии И. Д. Андреев свидетельствовал, что с 1918 г. жил «частично в деревне, где семья получила крестьянский земельный надел, но большею частью в Петрограде», продолжая свои научных изыскания. Отметим, что в условиях продовольственного кризиса переезд из города в деревню был распространенной поведенческой стратегией профессоров бывших духовных академий и университетов[112]. Отношение нашего героя к новой действительности характеризует одна из дневниковых записей Н. Н. Платоновой, сделанная 10 февраля 1919 г., вскоре после очередного возвращения И. Д. Андреева из Орловской губернии в Петроград. Он утверждал, что «вся деревня поголовно страстно жаждет сильной власти, откуда бы она ни пришла — только бы избавиться от большевиков» и рассказывал коллегам о своем брате-священнике, который был арестован местными властями и «поставлен на самую грязную работу»[113].

Парадоксальным образом, первые послереволюционные годы стали временем расцвета университетской кафедры истории церкви, о чем свидетельствует как ее профессорско-преподавательский состав (включавший профессора, доцента и трех приват-доцентов), так и

---

[107] [Ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм — обер-прокурору Святейшего Синода В. Н. Львову]. 8 августа 1917 г. // Там же. Л. 2.

[108] [Протокол заседания Совета Петроградского университета. 4 сентября 1917 г.] // Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 342. Л. 52 об.

[109] [Ректор Петроградского университета Э. Д. Гримм — И. Д. Андрееву. 8 августа 1917 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. № 91. Л. 3.

[110] Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года. 5 июля 1917 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 2). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М.: Издательство Новоспасского монастыря, 2012. С. 1186.

[111] *Илюхина О. А.* Социокультурный портрет профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий… С. 94.

[112] См., напр.: *Богданова Т. А., Клементьев А. К.* «“Род ученых” не погибнет на свете» (переписка из двух столиц профессора Н. Н. Глубоковского и епископа Василия (Богдашевского) 1917–1921 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 3 (11). С. 100–199; *Платонова Н. Н.* Дневник (1889–1921). Рязань: НРИИД, 2020. С. 404.

[113] Там же. С. 395.

широта охвата предлагавшихся по ней курсов[114]. Однако подобное положение дел, ставшее результатом заданного ранее курса на секуляризацию кафедры, просуществовало недолго. Последовавшая в 1919 г. реорганизация структуры Петроградского университета привела к упразднению историко-филологического факультета, а вместе с ним и кафедры истории церкви. Вместо нее на новообразованном факультете общественных наук была организована кафедра истории культов, профессором которой И. Д. Андреев являлся до 30 сентября 1924 г., пока не был уволен в связи с ликвидацией исторического отделения факультета и читаемых им курсов[115] (с 1925 г. он получал пенсию 48 руб. в месяц[116]). В то же время специализация ученого использовалась советской властью в судебной практике: с 1923 г. И. Д. Андреев выступал экспертом в Петроградском губернском суде по гражданскому судебному отделению, где давал заключения по делам об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям в отношении баптистов, духоборов, евангельских христиан и пр.[117]. После увольнения И. Д. Андреева из университета администрация вуза, за отсутствием специалиста в соответствующей области, продолжала делегировать своего бывшего сотрудника в судебные органы. В связи с этим ректор университета Н. С. Державин был вынужден обратить внимание председателя гражданского судебного отделения, что на одном из заседаний известный ученый «принужден был 2 ½ часа простоять на ногах, ему не было предложено сесть, что вызвало его обморок»[118]. Последним местом службы И. Д. Андреева стали Высшие богословские курсы[119], где он преподавал с 1925 г. и вплоть до своей смерти, последовавшей 28 июня 1927 г.

* * *

Вернемся к поставленным в начале статьи вопросам. Конфликт с духовно-академической средой, в которой протекало профессиональное становление и начало преподавательской деятельности И. Д. Андреева, был обусловлен его неприятием тенденций в развитии высшей духовной школы, выкристаллизовавшихся в период революционных потрясений 1905-1907 гг. Речь идет прежде всего о борьбе священноначалия с движением за автономию «православных университетов» и об усилении роли в их стенах «ученого» монашества, воспринимавшегося

---

[114] Обозрение преподавания наук на историко-филологическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1918 года и в весеннем полугодии 1919 года. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1918. С. 26–27.

[115] Андреев Иван Дмитриевич [Личная карточка, 1920–1927] // ОА СПбГУ. Ф. 1. Опись личных карточек профессорско-преподавательского состава за 1920-1940-е гг. Л. 27; [Правление ЛГУ — И. Д. Андрееву. 4 октября 1924 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. № 10114. Л. 120.

[116] [Центральная комиссия по назначению пенсий научным работникам — Правлению ЛГУ. 6 февраля 1925 г.] // Там же. Л. 129.

[117] Там же. Л. 124–128, 130–131, 133–145.

[118] [Ректор ЛГУ Н. С. Державин — Председателю гражданского судебного отделения Ленинградского губсуда А. М. Кирзнеру. 7 марта 1925 г.] // Там же. Л. 133.

[119] *Успенский Н. Д.* К истории богословского образования в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1977. № 4. С. 8.

И. Д. Андреевым в качестве антагониста той «либеральной» церковной науки, представителями которой были его учителя (А. П. Лебедев, Е. Е. Голубинский), и к которой, очевидно, относил себя сам ученый. Уход из академии В. О. Ключевского, выступавшего своеобразным знаменем либерально настроенных членов корпорации, стал последней каплей терпения И. Д. Андреева и вызвал его решительный разрыв с Московской духовной академией. Благодаря протекции А. П. Лебедева и Н. Н. Глубоковского, а также своей научной и общественной репутации ученый смог занять кафедру истории церкви в Петербургском университете, который, в противовес духовно-академической среде, воспринимался им как пространство научной и политической свободы.

Результаты научной деятельности И. Д. Андреева на университетской кафедре истории церкви противоречивы. С одной стороны, вряд ли уместно говорить о прорывных результатах в его собственных научных штудиях. С другой стороны, именно при нем кафедра стала развиваться в рамках секулярной модели, при которой университет эмансипировался от системы духовного образования, получив механизм воспроизводства собственных специалистов в области церковной истории. В связи с этим вполне обоснованно указать на расцвет, который кафедра пережила накануне своего демонтажа в 1918–1919 академическом году.

Тяжелым испытанием для И. Д. Андреева стал т. н. «кризис Кассо», когда он исполнял обязанности проректора университета. Как и во время службы в Московской духовной академии, «либеральный» профессор вошел в конфликт с «охранительными» силами, в качестве которых выступало теперь не церковное священноначалие, а министерство народного просвещения в лице министра. Ситуацию облегчало то, что корпорация университета, в отличие от расколотой корпорации академии, была более монолитна в своих общественно-политических взглядах, благодаря чему И. Д. Андреев действовал в русле ее общей политики. Можно предположить, что административная работа, которая воспринималась профессором как способ укрепления своего положения в светской науке, на деле этому помешала, обернувшись для него как проблемами со здоровьем и снижением работоспособности, так и определенным разочарованием в возможностях университетского ученого мира. Социальный катаклизм 1917 г. первоначально, как ни парадоксально, не помешал расцвету истории церкви в светском университете. Однако постепенно, в процессе советизации университета и усиления идеологического давления, сам предмет научных штудий И. Д. Андреева оказался исключенным из системы университетского преподавания, в связи с чем завершилась и его университетская карьера.

Литература

Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 45–64.

Баринов Д. А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии // Клио. 2017. № 10. С. 106–117.

Беглов А. Л. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34. № 1. С. 51–73.

Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский. Судьба христианского ученого. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 1006 с.

Брачев В. С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть: Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб.: Астерион, 2014. 253 с.

Брачев В. С. Студенческие волнения октября-декабря 1910 г. в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10 (82). С. 68–76.

Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 г. / Под ред. В.Г. Кинелева. М.: НИИВО, 1995. 342 с.

Голубцов С. А. Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения: По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М.: [Б. и.], 1999. 124 с.

Голубцов С. А. Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века: По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М.: Мартис, 1999. 247 с.

Гольцов Н. В. Кафедра истории церкви Санкт-Петербургского университета: вехи секуляризации // Вестник Костромского государственного университета. 2026. № 3 (в печати).

Дионисий (Шленов), игум. Иван Дмитриевич Андреев и его научное наследие // *Андреев И.Д.* История религий: религии Передней Азии и христианство / Под ред. игум. Дионисия (Шленова). Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной акад., 2015. С. 17–37.

Илюхина О. А. Социокультурный портрет профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий — участников Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. № 109. С. 84–105.

Карпук Д. А. Кафедра русской церковной истории в Санкт-Петербургской духовной академии на рубеже XIX–XX вв. // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 175–218.

Коростелев О. А., Ермишин О. Т. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии // Религиозно-философское общество в Санкт- Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. / Московско-Петербургский Философский Клуб; Федеральное архивное агентство; Российский государственный архив литературы и искусства; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 1: 1907–1909. С. 5–26.

Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 638 с.

Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников: монография. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 696 с.

Потехина И. П. И.Д. Андреев как историк западной церкви // Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: [сборник] / редкол.: В. В. Козловский, Р. Г. Браславский, К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. В. Малинов, Е. А. Ростовцев; отв. ред. В. В. Козловский, А. В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 633–643.

Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.

Ростовцев Е. А., Боднарчук Д. В. Историки Санкт-Петербургской Духовной Академии (1869–1917 гг.): опыт коллективного портрета // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 95. С. 70–93.

Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Миф о Л. А. Кассо // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 14–22.

Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. Серия: История, языкознание, литература. 1983. № 2. Вып. 1. С. 14–19.

Соловьев И. В., Полунов А. Ю. Академик Е. Е. Голубинский. Историк и время // *Соловьев И. В., Полунов А. Ю.* Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1998. С. 5–29.

Сухова Н. Ю. Церковная история как богословская дисциплина в контексте исторического образования в синодальный период // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. № 4 (47). С. 23–39.

Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX — начале XX века. История императорских православных духовных академий. М.: Новый хронограф, 2005. 567 с.

Успенский Н. Д. К истории богословского образования в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1977. № 4. С. 6–13.

Яковлев В. П. Политика русского самодержавия в университетском вопросе (1905–1911 гг.): дисс. … канд. ист. наук. Л., 1971. 217 с.

References

Andreev A. Iu., Tsygankov D. A. Prepodavanie tserkovno-bogoslovskikh distsiplin i podgotovka istorikov v Imperatorskom Moskovskom universitete. *Vestnik PSTGU. Seriia 2. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2016, no. 1 (68), pp. 45–64. (In Russian)

Barinov D. A. Krizis vysshei shkoly 1911 g. v fokuse istoriografii. *Klio*, 2017, no. 10, pp. 106–117. (In Russian)

Beglov A. L. Vserossiiskii tserkovnyi sobor 1917–1918 gg. kak iavlenie sobornoi praktiki Tserkvi. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2016, vol. 34, no. 1, pp. 51–73. (In Russian)

Bogdanova T. A. *N. N. Glubokovskii. Sud'ba khristianskogo uchenogo*. Moscow; St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2010, 1006 p. (In Russian)

Brachev V. S. *Studencheskie besporiadki, professorskaia korporatsiia i vlast': Sankt-Peterburgskii universitet v 1907–1911 gg*. St. Petersburg, Asterion Publ., 2014, 253 p. (In Russian)

Brachev V. S. Studencheskie volneniia oktiabria-dekabria 1910 g. v Sankt-Peterburgskom universitete. *Klio*, 2013, no. 10 (82), pp. 68–76. (In Russian)

Dionisii (Shlenov), igum. *Ivan Dmitrievich Andreev i ego nauchnoe nasledie.* Andreev I.D. *Istoriia religii: religii Perednei Azii i khristianstvo*. Eds. by igum. Dionisiia (Shlenova). Sergiev Posad, Moskovskaia dukhovnaia akademiia Publ., 2015, pp. 17–37. (In Russian)

Gol'tsov N. V. Kafedra istorii tserkvi Sankt-Peterburgskogo universiteta: vekhi sekuliarizatsii. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2026, no. 3 (In Russian)

Golubtsov S. A. *Moskovskaia dukhovnaia akademiia v nachale XX veka. Professura i sotrudniki: Osnovnye biograficheskie svedeniia: Po materialam arkhivov, publikatsii i ofitsial'nykh izdanii*. Moscow, [s. n.], 1999, 124 p. (In Russian)

Golubtsov S. A. *Moskovskaia dukhovnaia akademiia v revoliutsionnuiu epokhu. Akademiia v sotsial'nom dvizhenii i sluzhenii v nachale XX veka: Po materialam arkhivov, memuarov i publikatsii*. Moscow, Martis Publ., 1999, 247 p. (In Russian)

Iakovlev V. P. *Politika russkogo samoderzhaviia v universitetskom voprose (1905–1911 gg.)*. Dis. kand. ist. nauk. Leningrad, 1971, 217 p. (In Russian)

Iliukhina O. A. Sotsiokul'turnyi portret professorov i prepodavatelei rossiiskikh universitetov i dukhovnykh akademii — uchastnikov Vserossiiskogo tserkovnogo sobora 1917–1918 gg. *Vestnik PSTGU. Seriia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2022, no. 109, pp. 84–105. (In Russian)

Karpuk D. A. Kafedra russkoi tserkovnoi istorii v Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii na rubezhe XIX–XX vv. *Khristianskoe chtenie*, 2015, no. 5, pp. 175–218. (In Russian)

Korostelev O. A., Ermishin O. T. Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde): Vekhi istorii, tematika zasedanii, diskussii. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt- Peterburge (Petrograde): Istoriia v materialakh i dokumentakh: 1907–1917*, vol. 1. Eds. by O.T. Ermishina, O.A. Korosteleva, L.V. Khachaturian et al. Moscow, Russkii put' Publ., 2009, pp. 5–26. (In Russian)

Nechkina M. V. *Vasilii Osipovich Kliuchevskii: Istoriia zhizni i tvorchestva*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 638 p. (In Russian)

Orekhanov G., sviashch. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i L. N. Tolstoi: konflikt glazami sovremennikov: monografiia*. Moscow, PSTGU Publ., 2010, 696 p. (In Russian)

Potekhina I. P. I.D. Andreev kak istorik zapadnoi tserkvi. *Akademik A. S. Lappo-Danilevskii v pamiati nauchnogo soobshchestva: [sbornik]*. Eds. by V. V. Kozlovskii, A. V. Malinov. St. Petersburg, Intersotsis Publ, 2019, pp. 633–643. (In Russian)

Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.).* Moscow, ROSSPEN Publ., 2017, 903 p.

Rostovtsev E. A., Bodnarchuk D. V. Istoriki Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii (1869–1917 gg.): opyt kollektivnogo portreta. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2020, no. 95, pp. 70–93. (In Russian)

Rostovtsev E. A., Sidorchuk I. V. Mif o L. A. Kasso. V*estnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 2019, no. 57, pp. 14–22. (In Russian)

Savel'eva V. G., Iakovlev V. P. Studencheskaia zabastovka 1911 g. i Peterburgskii universitet. *Vestnik LGU. Seriia: Istoriia, iazykoznanie, literature*, 1983, no. 2, issue 1, pp. 14–19. (In Russian)

Solov'ev I. V., Polunov A. Iu. Akademik E. E. Golubinskii. Istorik i vremia. *Zhizn' i trudy akademika E. E. Golubinskogo*. Moscow, Krutitskoe Patriarshee Podvor'e, Obshchestvo liubitelei tserkovnoi istorii, 1998, pp. 5–29. (In Russian)

Sukhova N. Iu. Tserkovnaia istoriia kak bogoslovskaia distsiplina v kontekste istoricheskogo obrazovaniia v sinodal'nyi period. *Vestnik PSTGU. Seriia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2012, no. 4 (47), pp. 23–39. (In Russian)

Tarasova V. A. *Vysshaia dukhovnaia shkola v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka. Istoriia imperatorskikh pravoslavnykh dukhovnykh akademii*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2005, 567 p. (In Russian)

Uspenskii N. D. K istorii bogoslovskogo obrazovaniia v Leningrade. *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, 1977, no. 4, pp. 6–13. (In Russian)

Vysshee obrazovanie v Rossii. Ocherk istorii do 1917 g. Ed. by V.G. Kinelev. Moscow, NIIVO Publ., 1995, 342 p. (In Russian)